

© 1998 г.

Н.Н. КОЗЛОВА

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ "ОСВОБОЖДЕННОГО РАБОТНИКА"

*КОЗЛОВА Наталия Никитична - доктор философских наук, профессор философского факультета
Российского государственного гуманитарного университета.*

К сожалению, мы действительно знаем о советском обществе непростительно мало. Нет теоретической картины того, что именно представляли собой общественные структуры советского типа. Как сказал известный французский социолог П. Бурдьё в интервью журналу "Люмьер-экспресс", "этот вопрос мало изучен, потому что русские не смогли проработать его как следует"¹, оставаясь в рамках псевдополемиических концепций, вроде "тоталитаризма". Словом, советское общество надо изучать, и эта задача должна выполняться любыми теоретико-познавательными средствами. Лично я занимаюсь чтением человеческих документов, относящихся к советской эпохе, в особенности к первой ее половине, вычитывая то, что они могут сообщить об обществе.

Среди прочитанного мною - интересный документ, дневник партийного и профсоюзного работника Николая Андреевича Рибковского, который тот вел во время ленинградской блокады. Этот дневник был обнаружен среди бумаг другого человека, который передал свой личный фонд в Центр документации "Народный архив"². Герой наш родился в 1903 г., был партийным, а потом профсоюзным работником. Проанализированный ниже дневник - личная версия картины мира того, кто принадлежал к советской элите второго поколения. Иногда этих людей называют поколением 1938 года.

Дневник состоит из тринадцати тетрадок - одни тоненькие ученические, другие толстые общие. Он был начат 27 января 1940 г. и обрывается на записи от 14 октября 1944 г. В общем, немного о жизни довоенной, а в основном - блокада.

Я обращаюсь к тому, что вычитывается из текста и вчитывается в него. Сделанное - попытка не просто установить смысл данного текста, но освоить его внутреннее пространство. А для этого надо дробить и упорядочивать, устанавливая ряды и описывать отношения, последовательности, типы социальных связей. Именно в этом особенность предлагаемого анализа: исследование социальных отношений в их индивидуальном проявлении. При чтении текста обнаруживаются различные культурные слои - за смыслом смысл, за формой форма.

Любой человеческий документ представляет ценность как **свидетельство**. Жизнь подробна, подробности драгоценны, тем более детали той "жизни на краю", которой жил наш герой. Я читала довольно много о блокадной ленинградской повседневности. Но лишь из этого дневника я узнала о такой детали, как смех людей на улицах во время налетов немецкой авиации на Ленинград в октябре 1941 г. Еще одна интересная подробность - приступ аппетита у ленинградских жителей во время первой бомбежки 9 сентября 1941 г.

И, конечно же, страшные реалии тогдашней жизни... Иждивенческих карточек хватает только на декаду *"Если продолжать быть иждивенцем" — пропал* (17 ноября 1941 г.)³. Одиозная смерть как повседневность: *"У Октябрьского вокзала огромные лужи крови, конечности человеческих тел кровавые куски мяса в обрывках материи..."* (24 июля 1942 г.). Знаешь, а вновь потрясает... Или такая вот картинка: *"Положив на гроб веревку, женщина зашла сзади навалилась грудью на гроб и свалилась... Я уже опаздывал на пленум*

Петроградского райкома партии, торопился. Помог подвезти квартал" (1 февраля 1942 г.).

А при малейшей возможности люди стараются вернуться к привычным повседневным практикам, вытесняя смерть "на поля". Например, герой наш описывает вечеринку, которая проходила под вой тревоги 24 марта 1943 г. На тревогу не обращали внимания. Сидели до трех часов ночи, пели старинные романсы под гитару, слушали патефон и чтение рассказа Чехова. Летом того же года люди пытались привычно отдыхать:

"Сегодня в Озерках было немногочисленно. Не было обыкновенного для мирных Озерков людского окружения. Но, отдыхающие были. Несколько групп, парочек и одиночек любителей загородных поездок. Одни забавлялись мячами, другие развлекались патефоном, третьи, обнажив свое тело - загорали. Четвертые прогуливались и лишь единицы купались..." (27 июня 1943 г.).

Как читать дневник и как о нем рассказывать? Из современной семиотики известно, что текст создается чтением. Прочитать дневник можно совершенно по-разному. Читая, я стала разбивать прочитанное по рубрикам, производя первичную тематизацию. Из каждой рубрики вставал свой человеческий образ. Как будто разные люди, но человек-то один: точка пересечения множественных социальных связей.

Образ номер один - театрал, любитель кино и чтения. Начинаю я с этого образа не случайно, ибо добрая половина дневника связана с театром. Наш герой в тяжелые дни блокады ходил на *"зрелищные мероприятия"* не реже, чем раз в неделю (специально подсчитала)... Даже возникающий в памяти образ чаемой мирной жизни связан с театром. Вот запись от 15 августа 1942 г. Пишущий посещает то место, где жил раньше (1935-1936 гг.).

"День авиации. Был в Новой деревне... Печальным выглядит уголок, в котором я прожил с семьей свыше пяти лет... Заросли высокой травой тропинки к домику... Вспомнилась знакомая родная картина. Вот тут, под тенистыми деревьями, на густой траве, в часы досуга я частенько отдыхал с книгой или газетами, одновременно слушал радио, выставив на подоконник репродуктор. Бывало уснеш. Подбежит еще совсем малюсенький Сереженька, разбудит и уже не даст больше спать.

Вот стоял на том месте, где часто отдыхал под окнами своей комнатухи, казалось, вот сейчас откроется окно и моя супруга позовет:

- Коля иди обедать, в театр опоздаем..."

В письме жене, которое приводится в записи от 22 ноября 1941 г., он приводит репертуар театров, филармонии, сообщает об очередях на фильм "Маскарад", о том, что билеты в театр раскупаются заранее.

Как о событии он сообщает о кино, показанном после партийного собрания 23 февраля 1942 г.:

«...на собрании после доклада нам показали семь выпусков кино-хроники "На защиту Москвы" и музыкальную кино-комедию "Свинарка и пастух".

Сюжет фильма очень простой, но фильм смотрится с большим удовольствием.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка - прекрасный сказочный город, мирный колхозный труд, богатая колхозная жизнь, изобилие продуктов, счастливая радостная жизнь!..., как все это теперь, сегодня, на фоне суровых дней отечественной войны, переживаемых трудностей и лишений, резко кажется еще более прекрасным, сказочным, дорогим и даже далеким. Посмотрев этот фильм скажет: "Ради такой жизни, жизни полной творческого труда, радости и счастья теперь не только еще крепче подтянешь ремень, еще сильнее напряжешь силы, еще тверже сохранишь выдержку, чтобы преодолеть трудности, пережить лишения и победить! Но если потребуется и жизнь отдашь". Кино воплощает поле желания, то, чего в жизни нет...

15 марта 1942 г. он с радостью записывает: *«Возобновили, наконец-то работу два кино-театра: "Молодежный" и "Колосс". С пятого марта работает театр музыкальной комедии в помещении театра им. Пушкина (в "Александринке"). Сегодня оперетта "Любовь моряка". Ни одного билета в кассе. У театра огромная толпа жаждущих попасть на постановку. Тут не только молодежь, а люди средних лет, пожилые и даже старички и старушки, закутанные в старомодные саки, шапках-шалях, с муфтами и палочками...*

Товарищи из Смольного ходили смотреть оперетты "Сильва" и "Баядера", так

покупали билеты за два дня. Рассказывают в театре жуткий холод. Огромное помещение театра забито зрителями до отказа... Невольно вспоминается мне из истории, о Риме, когда народ требовал "хлеба и зрелищ"...

Словом, театр, зрелища он беззаветно любит и с явным удовольствием перечисляет "возможности": "...в Ленинграде зрелищ достаточно, хватает, жаловаться не приходится. Большой драматический театр им. Горького, театр Музкомедии, КБФ, Городской, популярный ансамбль под руководством Бронской, зал камерных концертов, Госфилармония, дома культуры, клубы, в помещении Малого оперного театра начались спектакли оперного коллектива из артистов театров им. Кирова и Малегота, оставшихся в Ленинграде, Ленгосэстрада, ансамбли песни и пляски и т.д. и т.п. Функционирует свыше двух десятков кинотеатров, в которых показывают новые фильмы. Но вот уже два месяца как я не был в театре. Месяц болел, а до этого и вот сейчас нет времени сходить в театр или кино... Так и пропали билеты на прекрасные места в партере (19 сентября 1943 г.).

Другой образ - человек, который вместе со всеми нес блокадные тяготы, голодал и холодал. Человек, в тело которого прочно встроен прошлый опыт голода. Горестно размышляя об известии, что иждивенческая норма снижена до 150 г., он вспоминает: "Трудно! Это верно. Было время когда на "осьмушки" хлеба жили, а было, что я неделями не только не ел, но не видел хлеба" (20 ноября 1941 г.). У него явно была нелегкая молодость. К декабрю 1941 г. он перестает узнавать свое тело: «Даже сомнение взяло: Мое-ли это тело или мне его кто подменил?!!!" Ноги и кисти рук точно у ребенка, который еще растет, вытягиваются, тоненькие, живот провалился. Ребра чуть не наружу вылезли» (13 декабря 1941 г.). Всю жизнь он болеет: "И каких только болезней я не испытал за свою жизнь?! Подумать только. Несколько раз болел воспалением легких во всех видах - односторонним, двухсторонним, простым, крупозным и наконец дошел до туберкулеза последней стадии. Было воспаление мочевого пузыря, десен, языка. Потом несколько месяцев мучал меня парапроктит. А еще раньше скарлатина, в период гражданской войны возвратный тиф и много других болезней. И теперь вот еще и гастрит... В такое время крайне неудобно чувствовать себя в гражданском..." (19 сентября 1942 г.). У него постоянно возобновляется кровохарканье. В октябре 1944 г. врачи говорят, что он страдает сильнейшей неврастенией.

Третий - прекрасный семьянин, который любил свою семью, детей. Он пишет трогательные письма. Сверхчеловеческими усилиями почти год бережет для маленького сына коробку конфет - в те месяцы, когда ели несъедобное... И наш герой ел...

"Я ему (сыну - Н.К.) скопил пару плиточек шоколада послать в третьей посылочке. Составил целый список в чем нуждаются жenuшка и сыночек. Но вот одного, пожалуй, не доставит - это костюмчика для Сереженьки. Был ордер, но не было костюмчика на Сережу. Так ордер и пропал.

Четвертый - образ привилегированного, который во время всеобщей беды ел не то, что все, проводил ночи в теплом Смольном, а значит имел иные шансы на спасение, нежели все прочие.

Закончив с отличием Московскую Высшую партийную школу в 1940 г., Н.А. Рибковский становится Секретарем РК ВКП(б) в г. Выборге, который в результате окончания финской войны вошел в состав Карело-Финской ССР. Отходя вместе с отступающими войсками к Ленинграду, он попадает в блокаду. Выехать он не может. В дневнике подробно описаны его мытарства. Он не работает, т.е. является иждивенцем, получая ту самую карточку, по которой можно прожить лишь одну декаду из месяца. В начале блокады он к тому же заболевает дизентерией.

Однако в декабре ситуация резко меняется. Его зачисляют на работу в Смольный. 5 декабря 1941 г. он становится инструктором Отдела кадров Горкома партии Ленинграда. Он начинает жить не как все. Справедливости ради надо отметить, что он не стремился специально к теплоте (отапливаемому!) месту в Смольном. Он желал вернуться в распоряжение партийных органов Карело-Финской ССР. Вообще-то наш герой был верным рычагом партии и готов был быть там, куда пошлют.

С началом работы в Смольном положение его кардинально меняется. Уже 9 декабря 1941 г. наш герой записывает:

"С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак - макароны, или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед - первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зеленые щи со сметаной, второе котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, на второе свинина с тушеной капустой. Качество обедов в столовой Смольного значительно лучше, чем в столовых в которых мне приходилось в период безделия и ожидания обедать" (9 декабря 1941 г.).

А вот запись от 5 марта 1942 г., которая свидетельствует о том, что нет уже никакой речи о "равенстве в страдании" (А. Платонов).

"Вот уже три дня как я в стационаре горкома партии. По моему это просто-напросто семидневный дом отдыха и помещается он в одном из павильонов ныне закрытого дома отдыха партийного актива Ленинградской организации в Мельничном ручье. Обстановка и весь порядок в стационаре очень напоминает закрытый санаторий в городе Пушкине... Очевидцы говорят, что здесь охотился Сергей Миронович Киров, когда приезжал отдыхать... От вечернего мороза горят щеки... И вот с мороза, несколько усталый, с хмельком в голове от лесного аромата вваливаешься в дом, с теплыми, уютными комнатами, погружаешься в мягкое кресло, блаженно вытягиваешь ноги...

Питание здесь словно в мирное время в хорошем доме отдыха: разнообразное, вкусное, высококачественное, вкусное. Каждый день мясное - баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное - леиц, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, триста грамм белого и столько же черного хлеба на день, тридцать грамм сливочного масла и ко всему этому по пятьдесят грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину.

Питание заказываешь накануне по своему вкусу

Я и еще двое товарищей получаем дополнительный завтрак, между завтраком и обедом: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая.

К услугам отдыхающих - книги, патефон, музыкальные инструменты - рояль, гитара, мандолина, балалайка, домино, бильярд... Но, вот чего не достает, так это радио и газет...

Отдых здесь великолепный - во всех отношениях. Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь далекое гроыхание орудий, хотя от фронта всего несколько десятков километров.

Да. Такой отдых, в условиях фронта, длительной блокады города, возможен лишь у большевиков, лишь при Советской власти.

Товарищи рассказывают, что районные стационары нисколько не уступают горкомовскому стационару, а на некоторых предприятиях есть такие стационары, перед которыми наш стационар бледнеет.

Что же еще лучше? Едим, пьем, гуляем, спим или просто бездельничаем слушая патефон, обмениваясь шутками, забавляясь "козелком" в домино или в карты...

Одним словом отдыхаем!... И всего уплатив за путевки только 50 рублей".

Да, могут последовать обвинения в цинизме, лицемерии, обмане, аморальности... Попрано моральное чувство, в особенности, если вспомнить те записи, которые делали в эти дни конца тяжелойшей блокадной зимы другие люди. Отсылаем читателя хотя бы к "Блокадной книге" Д. Гранина и А. Адамовича. Вообще вопрос встает: а не придурится ли он? Но меня как-то останавливал тон сказанного, искренность и доля наивности. Наш герой не циник, а, скорее, человек, искренний. Ну кто заставлял его описывать (можно же было об этом-то умолчать)? И потом фраза, свидетельствующая о соответствующей картине социального мира и классификациях этого мира: "Да. Такой отдых, в условиях фронта, длительной блокады города, возможен лишь у большевиков, лишь при Советской власти"...

А потому, оставив при себе свои моральные чувства, попробуем разобраться, как именно конструируется, производится и воспроизводится, говоря социологическим языком, это представление о реальности (и, соответственно, сама реальность). Для этого следует отнестись к сказанному как к социальному факту, т.е. преодолеть границы нашего собственного опыта, сегодняшнего уровня понимания, заменить частные определения корпусом знания.

А для этого пойдём дальше, снимем следующий "культурный слой".

Наш герой - образцовый советский человек. Даже осенью 1941 г., когда положение его шатко и неопределенно, когда его привычный мир распадается, он черпает силу в ресурсе своей советскости. Официальный идеологический язык вносит порядок в мир, который рушится самым буквальным образом. Этот язык позволяет отфильтровывать угрозы целостности "Я" и мира в предельных экзистенциальных ситуациях.

*"С театра вынужден бы идти пешком. Трамваи не шли. Проспект Володарского до самой Некрасовской улицы засыпан осколками выбитых стекол... **Дворники вывешивают флаги**"* (6 ноября 1941 г., подч. мною - Авт.). В театре пишущий попал под бомбежку, он чуть не погиб, но вывешивание праздничных флагов как дискурсивная практика намекает, что порядок жизни не совсем разрушен, несмотря на прямую опасность для жизни индивида.

Порядок жизни для нашего героя - советский порядок. На письме это сказывается в том, что в сугубо личном пространстве дневника наш герой пишет (во всяком случае, старается писать) "по правилам". Правилам не столько орфографическим и грамматическим, но в соответствии с господствующими риториками. Принимая безоговорочно готовые классификации мира, пользуясь готовыми дискурсивными единицами, он склоняется перед Историей. Так он участвует в воспроизводстве этого мира.

Он видится марионеткой власти, куклой на веревочках структуры. Он пользуется идеологическими клише как идиомами повседневного языка. Например, поздравляя семью с праздником 7 ноября 1942 года, пишет жене и сыну поздравление на открытке с портретом Сталина: *"С нами Сталин! До свидания. Целую крепко. Ваши Папаня"* (22 октября 1942 г.). *"С нами Сталин"* - часть интимной семейной коммуникации. А вот еще пример: *"Будет и на нашей улице праздник!"* - как справедливо сказано в приказе т. Сталина". Вождь - производитель пословиц, или, что то же самое, порядка мира.

Сталин - персонификация власти и судьбы. Что в жизни и происходило, воспринималось нашим героем как генерированное властью. Вера в авторитет порождает метафизическую уверенность в правильности происходящего: *"И каждый раз я затаив дыхание вслушивался в каждое слово. Как просто, понятно, кратко и ясно т. Сталин ответил на волнующий вопрос: в чем причины временных неудач нашей армии"* (7 ноября 1941 г.). *"Если это так то нет сомнений, что т. Сталин свое слово сдержит. Поможет, выручит"* (18 ноября 1941 г.). *"Исключительно хорошо, умно и правильно. Ответил Сталин на письмо московского корреспондента... Просто и истинно справедливо сказано!"* (6 октября 1942 г.).

Место Сталина может занимать Ленин или партия, в том числе и в форме ее институтов: *"Знаем, наша советская власть, коммунистическая партия в беде нас не оставит"* (8 августа 1940 г.). *"Правильно и своевременно Горком партии поднял вопрос о наведении чистоты и бытового порядка в городе. Наметили ряд мероприятий, но главное, это призвать к порядку людей, опустивших руки в связи с трудностями и переживаемыми затруднениями"* (13 января 1942 г.). Послушаешь его, так и валенки он от партии получил: *"Сегодня я уже, следуя примеру других, обновил валенки. Как в них хорошо ногам! Мягко, а главное тепло. Воронцов выручил теплой шапкой... Правда шапка не казистая, но теплая... Выходит что я к зиме тоже подготовился... И Горком и Ленисполком сейчас уделяют исключительно серьезное внимание бытовому и культурному обслуживанию трудящихся в условиях зимы"* (1 декабря 1942 г.).

Свет для него - *лампочка Ильича*. Эту метафору пишущий также употребляет в качестве клише обыденного языка. Метафора не просто инструмент, она конструирует мир. Метафора - модель видения вещей и мира. Как и все символические системы, системы идеологического языка воссоздают реальность. Они реорганизуют мир в терминах действия, а действия реорганизуют в терминах мира.

Идеологический язык *переописывает* мир, как, впрочем, и обычный. Он предлагает и внушает системы классификации, которыми пользуются как привилегированные, так и непривилегированные. Приобретенные способы классификации мира кажутся "естественными", в том и сила классификаций.

Например, практически все пользовались классификацией *наш человек / не наш человек*. Но родилась эта классификация в поле доминирующих. Партия как сверхсубъект классифицирует людей на нужных и не нужных.

Классификация *рабочий I иждивенец* также имела в советском обществе всеобщий характер. Она диктовала парадоксальность социальных игр. Любые классификации подразумевают исключение и отбор. Чиновник оказывался рабочим, потому что снабжался по рабочей карточке, а служащий - иждивенцем, ибо получал иждивенческую карточку. В условиях блокады вопрос о социальных классификациях был вопросом жизни и смерти. Самые нужные - партийные кадры. *"К нам приходят, обивают пороги такие которым не только не полагается первой категории, а отобрать вторую и гнать в шею следует... Партийные кадры мы обязаны поддерживать. На это имеются указания горкома..."* (1 декабря 1941 г.).

В обществах Модерна в порядок конструирования "Я" активно вовлечены абстрактные посредствующие и ориентирующие системы⁴. В советском обществе роль идеологического дискурса в установлении порядка мира и самой социальной связи центральна. Это хорошо видно в моменты, когда происходит столкновение нашего героя с иными социокультурными системами, в которых элементы мира названы и скомпонованы по-иному. Вот что удивило Н.А. Рибковского, когда в 1944 г. он попал в освобожденный пригород Териоки (ныне Зеленогорск):

"Но, что чрезвычайно удивило нас, так это сохранившиеся с 1941 г. наши плакаты и лозунги, расклеенные на зданиях и в помещениях дач и домов отдыха. На одном из домов отдыха, на видном месте, крупными буквами напечатанный плакат: "Смерть фашизму!" А, в доме, на одной из дверей лозунг "Трудящиеся Советского Союза, теснее сплотим ряды вокруг большевистской партии! Под знаменем Ленина-Сталина вперед к победе!". В другом домике на стене: нетронутая, приклеенная гумиарабиком газета "Красная звезда" за 3 июля 1941 г... Трудно себе объяснить как это все сохранилось? Неужели сюда не заглядывали знающие русский язык? Или лахтари против нашей агитации не возражают?..." (13 июня 1944 г.).

Итак, наш герой видится как персонификация порядка, который задается партией. Он точно следует тому, что предлагает партия как социальный институт в качестве правил, предназначенных для усвоения. К этим средствам и правилам относятся нормативные речевые практики. Здесь нет места шуткам. Ведь шутка служит цели доставить себе и другим удовольствие от нарушения установленного порядка - хотя бы на словах. Порядок слов и порядок вещей воспринимаются сугубо серьезно. Личные признаки оказываются вытесненными в пользу господствующей формы. Обычная речь - в пользу языка официальной идеологии. Имеет место не просто слияние с ролью, но добровольная отдача себя под эгиду "антииндивидуалистического" принципа, подчинение коллективному и деперсонифицированному порядку, сверхчеловеческому принципу. Партия предлагала коды для расширения личного опыта, средства для определения смысла этого опыта. Герой наш самоосвящался через партию, а потому *охотно* использовал эти коды. Он определял собственную идентичность через признанные представления о себе самом. Речь идет о реципрокности: партия-наш герой, наш герой-партия.

Сам способ употребления идеологической речи в контексте повседневной коммуникации свидетельствует о *согласии* нашего героя с требованиями общества. Вопрос, каковы причины и условия согласия... Классификации идеологические смотрятся большой социальной правдой, если связать их с классификациями социальными. Существует гомология между социально обусловленными качествами автора дневника и молчаливым принятием тех требований, которые предъявляло ему общество. В очередной раз подтверждается сложившееся еще у классиков представление о том, что надчеловеческая институция, управляющая властью представляет собой символ общего сознания, коллективного чувства. Отсюда вопрос: как производится то, что сам человек может ощущать как *"призвание"*? Убежденность действительно позволяла не только жить, а порою и умирать за "слова".

Жизнь - всегда становление и самоопределение, сближение и дистанцирование. Даже в тесном пространстве тринадцати тетрадок дневника мы наблюдаем перемену в самом зрении пишущего, которое соответствует изменению позиции в социальном пространстве. В начале блокады наш герой делит жизнь со своими соседями по коммунальной квартире. Он довольно часто их упоминает: кто что сделал или сказал, как кто-то кому-то помог или не помог. Он соперничает. Постепенно соседи вытесняются за пределы поля письма. Живы они, умерли? Они вроде бы ушли, растворились... Лишь по оговоркам во второй половине дневника мы узнаем, что соседи вообще-то существуют.

Это "исчезновение" соседей связано отнюдь не только с атомизацией всех людей в

экстремальной ситуации блокады. Эта крайняя ситуация позволяет рассмотреть с близкого расстояния процесс производства новой позиции в социальном пространстве и новой идентичности.

Наш герой, попав на работу в Смольный, "дистанцируется" не только от ближайших соседей, но и от необходимости. Здесь встает вопрос, как это объяснить. Самый "примитивный", впрочем, имеющий право на существование ответ: точка зрения и рацион меняются параллельно. Наш герой не только подпитывается идеологией из газет и радио, докладов руководства, но и питается. Количество еды достаточно для продолжения жизни (не каждый день он роскошествовал, как в "стационаре"). Кроме того, он имеет доступ к теплу, к бане.

Обратим, однако, внимание на одну особенность, которая в анализируемом тексте выражена рельефно. Чем более он "дистанцируется", тем больше позиция его приближена к позиции театрального зрителя, который со стороны, с привилегированной точки зрения наблюдает спектакль блокады. В контексте этих рассуждений по-новому начинаешь воспринимать его увлечение театром. Весь мир - театр, и все мы в нем актеры. Наш герой тоже играет роль, но отнюдь не эпизодическую. Он претендует на роль режиссера социального театра. Точка зрения режиссера - позиция абсолютного наблюдателя-субъекта. Именно тогда в дневнике партийного работника все чаще появляется риторика партии и массы.

Партия рулит массой. Наш герой стремится быть тем, кто к массе не принадлежит. Дистанция от реальности дает ему возможность судить людей, представляя их (он - *делегат массы*⁵), планировать жизнь "за них". К концу зимы 1941-42 гг. он не "мы", а "они". Об изменении точки зрения свидетельствует уже запись от 26 февраля 1942 г. А ведь еще три месяца назад он был со всеми, почти что "в массовке"... Теперь ему неприятно смотреть не немых ленинградцев.

"К слову сказать сейчас очень много горкомовцев болеет. Отчего бы, кажись, такое "поветрие"? Если в городе, среди населения, много желудочных заболеваний так можно объяснить истощением и тем, что водой пользуются прямо из Невы, подчас употребляют не прокипяченную как следует быть из-за недостатка топлива, в уборную ходят прямо в квартирах потом где попало выливают и руки перед едой не моют. Некоторые моются редко, чумазыми, с наростом грязи на руках ходят... Встретишь такого человека, а встречаются такие часто, не приятно делается. Ни водопровод, ни канализация не работают вот уже три месяца..."

А у нас в Смольном, отчего? Питание можно сказать удовлетворительное. Канализация и водопровод работают. Кипяченая вода не выводится. Возможности мыться и мыть руки перед едой имеются. В самом Смольном чисто, тепло, светло. И все-таки люди болеют расстройством желудка. Почти половина работников горкома и обкома сидит на диете. Некоторые в больнице. В нашем отделе кадров почти все переболели расстройством желудка и сейчас из двух десятков работников отдела кадров больны восемь человек... Присмотрится и видит как много делается в Смольном, незаметного, большого, кропотливого, чтобы всячески облегчить переживание ленинградцами трудности и лишения вызванные блокадой! Привлекаются все и всё к этому. Идет борьба, настойчивая, упорная за сохранение жизни людей".

Он находится в той точке социального пространства, откуда "планируют" например, идеологическую работу среди подростков: *"Большая и сложная задача сформировать из подростка волевого гражданина, подлинного советского патриота"*. Надмирная точка зрения заставляет вытеснять реальность: подростки 14-16 лет работают по 10-11 часов, работают в ночную смену.

Автор дневника даже массовое выживательное движение (как, впрочем, и любое другое) интерпретирует как инициативу партии. *"Бывает так. Поднимут на какое-либо полезное дело народ, зажгут и успокоятся. Воспламенившаяся масса - угасает. Как в топке уголь. Если его не шуровать, будет тлеть пока совершенно не погаснет"* (11 февраля 1942 г.). Метафора угля и топки симптоматична. Он хочет не "быть с массой", а работать с ней: *"Непосредственная работа с массами, что может быть интереснее, живее и захватывающее"* (16 июня 1943 г.).

Установить баланс власти в свою пользу - получить право решать вопросы жизни и смерти, причем отнюдь не в переносном смысле: дать обед или лишить обеда, одеть или раздеть. Он ощущает право принуждать - в силу того, что действует от имени партии. В

понятие воспитательной работы входило как идеологические практики, так и практики дисциплинарные:

"Когда мы приехали на комбинат, в полном разгаре был воскресник по уборке территории комбината. Сделано много. Собраны огромные кучи щепы, обломков, мусора. Кто хорошо, по ударному работал на воскресники сделан обед из трех блюд как поощрение. Бездельники получили лишь первое блюдо. Правда густой, с жиром, суп, но ни второго (каша со штиком), ни третьего (брусничное варенье...) им не дали. - "Иначе не заставишь работать"... - заявил директор комбината Веречитин. Для ИТР и стахановцев обед приготовили отдельно".

Чем более баланс власти складывается в пользу пишущего, тем в большей степени он склонен представлять свою точку зрения как "объективную". (Здесь, замечу в скобках, прекрасно ощущаешь сродство позиции теоретика и позиции человека во власти.)

Итак, опять остановимся, отметив двойственность позиции пишущего. Он режиссирует других, но и его самого режиссируют. По отношению к "массам" он доминирующий, во властном поле он занимает доминируемое положение. Это не такое уж устойчивое равновесие колеблется. Недаром он столь старательно следует официальному канону советской идентичности.

Если продолжить тему многоликости нашего героя, то из дневника встает еще один образ, образ человека, который только натянул на себя маску идеального рычага партии - идеологически выдержанного и "культурного" - и играет "как в театре".

Читатель, вероятно, заметил, что для героя нашего письма - это труд. Причем пишет он отнюдь не с легкостью необыкновенной: зачеркивания, стирание, переписывание, орфографические ошибки. Бумага, на которой записки написаны, несет на себе следы рефлексивных усилий, свидетельствует об отсутствии спонтанности. Понятно, что рефлексивная "подотчетность" не абсолютна. Всегда остаются внесознательные логики практики, неотъемлемые от непрерывности повседневных активностей. Тем не менее, активная (но не обязательно субъектная) роль пишущего дневник обращает на себя внимание.

Письмо в принципе является образцом опосредованного опыта. Именно поэтому по письму можно отслеживать процесс конструирования идентичности. Знаменитый британский социолог Э. Гидденс полагает, что люди, у которых "Я" представляет собой рефлексивный проект, в массовом порядке появляются именно в условиях цивилизации Модерна. Этот рефлексивный проект состоит в поддержании связанных, но постоянно подвергающихся ревизии биографических нарративов. Осуществление этого проекта происходит в контексте множественного выбора, профильтрованного через абстрактные системы⁶. В нашем случае речь идет, конечно же, о сталинском Модерне. Абстрактные системы представлены, прежде всего, идеологическим легитимирующим метанарративом, который, кстати, задавал и канон "правильного" жизненного пути.

Опосредованность нарратива дискурсивными (метанарративными) единицами гомологична представлению о возможности выбора из спектра возможных *способов жизни*, или *жизненных стилей*, пусть даже этот спектр очень неширок. Рефлексивность прямо соотносится с трансверсальностью (надситуационностью) идентичности⁷. Идентичность нашего героя надситуационна: он советский человек как публично, так и наедине с самим собой. Она отличается жесткостью.

По тексту дневника мы можем проследить историю ее складывания. Повторим еще раз, что поиск идентичности применительно к этой группе можно представить как процесс, аналогичный процессу овладения иностранным языком (в отличие от языка родного). Это сравнение имеет в виду намек на *рефлексивный контроль* и дистанцирование в процессе идентификации. Участие в новых риторических играх, как элемент новых практик приводит к смене *габитуса*.

Пишущий правильно - хозяин, пишущий неправильно - раб. Наш герой стремится быть хозяином. Он принимает предлагаемую языковую игру. Он работает на ее воспроизводство. Язык Краткого курса истории ВКП(б) - то же, что в статусных обществах язык высших классов. Или то же, что литературный язык для того, кто раньше говорил на диалекте.

Новый язык равнозначен хождению в театр. Это - род театральной маски. И то и другое - знак нового стиля жизни, с таким трудом вырабатываемого и обретаемого стиля жизни тех, кто принадлежал к советской элите в первом поколении. А языковые особенности текста - метки пути, который он проделал.

О чем свидетельствует текст дневника?

Иногда пишущий употребляет родительный падеж вместо дательного: "*в Америки*", *не подалась паники*; "*не угодил мамы*". Он пишет: "*бонбандировка*", "*для супруге*", "*в связи с болезней*", "*изждевенец*", "*кстате*", "*тертка*" (терка), "*дом с мизонином*" и пр. Он употребляет независимый причастный оборот: "*я еще не успею понять в чем дело - раздался оглушительный взрыв*" (24 августа 1940 г.). Он не ставит мягкий знак после шипящих. Но главное - языковой репертуар, который неоднороден и явно определяется социальной биографией пишущего. Он старательно копирует тогдашний газетный стиль, но из-под него вылезает "*с форсом*", "*барышня*", "*зало*", "*супруга*" - из словаря городского мещанства. Ошибки и лексика - стигматы "рабского происхождения". Он не только свежий человек в элите, но и свежий городской житель.

Здесь следы его ранней семейной социализации. Как бы ни порывал наш герой со своим прошлым, как и другие бывшие крестьяне, удачно социализировавшиеся в советское общество, оно "вылезает".

Среда, из которой он вышел - во-первых, в нем самом, во-вторых, рядом с ним. В течение жизни (она же социальная биография) человек последовательно социализируется через различные языковые репертуары. Этот процесс происходит как последовательно, так и одновременно. Институт (властная инстанция) может санкционировать такую работу (налагать официальные санкции - одобрять / не одобрять). Наш герой явно проявлял способность к овладению новыми кодами. Он охотно работал над собой. Работу над языком следует рассматривать наряду и в контексте "имитаций" невербальных моделей поведения. Любимое нашим героем хождение в театр - симптоматика жизненного стиля советской элиты, нового и манящего.

Для того чтобы идентификационный канон жил и не канул в лету, он должен социально воспроизводиться, т.е. вырабатываться людьми в процессе совместной деятельности, быть общим продуктом. Бытование его возможно, только если он социально воспроизводится в жизненных практиках тех, кто его принимает, имеет жизненный смысл для тех, кто жил в тогдашнем обществе. Должна была иметь место *риторическая работа* общества с этим канонem. В каноне советской идентичности заданы первичные классификации мира и задан сам этот мир. Практики воспроизводства советской идентичности "регулярны", но не вследствие сознательного подчинения правилам, "сознательного" утилитаризма. Практики коллективно оркеструются, не будучи продуктом организационного действия некоего дирижера. Чем сложнее игра, тем менее она видится прямо подчиненной правилам. Мы видим, как *свободно* производятся действия (мысли, восприятия, представления, желания), коренящиеся в определенных условиях воспроизводства⁸. Точно также обусловлены тактики избегания каких-то действий.

Способы демонстрации отдельной, личной идентичности являются выражениями *символической идиомы*, которая может быть распознана в любом обществе. Эта идиома использует *тело и производство* для материализации семиотического конструкта, который называется "я"⁹. Исследовать идентичность как процесс значит показать, каким образом он развивается во временной протяженности, работает через язык и развитие социальных ролей, равно как тесную связь между *частным* опытом самоидентичности и ее *публичным* выражением.

Умение играть в новые словесные игры, следовать правилам знаково-символического обмена, овладение техниками писания и чтения, достижение нормативной телесности составляли процесс обретения идентичности. Люди пользовались соответствующим набором культурных правил и языковых идиом, которые регулировали отбор, сочетание и осмысление элементов нового опыта.

Наш герой получил через образовательные институты соответствующие таксономии и схемы интерпретации социальной реальности (категории социальной причинности, исторического времени и пространства). В соответствии с этими схемами он реальность конструирует¹⁰, т.е. следует типичным мотивационным связям и отношениям, поведенческим рецептам и разделяет соответствующие ценностные иерархии. Языковой репертуар определяется соответствующим кодом - с одной стороны, групповым (советская элита), с другой, претендующим на универсальность в советском обществе в первую половину его истории.

Человек пишущий говорит, прежде всего, о себе - или прямо или опосредованно: о том, что он делает, чувствует, думает. Высказывания, которые человек делает о себе самом, - можно рассматривать как прямое и специфическое представление личной идентичности. Очевидно, концепции "я", языки, в которых формулируются эти концепции, равно как ком-

муникативные жанры, позволяющие, облегчающие и ограничивающие такие формулировки, варьируются в зависимости от эпохи и типа общества".

Институции "объективно" требуют замены прежнего человека на нового с помощью процедур, подобных гимнастике. Слово "гимнастика" не случайно, ибо речь идет не только о "правильных" риториках, но и о соответствующем внешнем виде. Идеология, как "классифицирующая" машина, систематически маркирует человека. Кроме того, человек сам себя обозначает: как идеологическим словом, так и способами времяпрепровождения и телесными практиками, которые позволяют достигнуть соответствующего внешнего вида. Все вместе составляет специфический жизненный стиль, канон которого задавался соцреалистическим искусством.

Тот язык, которым так старается овладеть наш герой, выступает для него формой обозначения новой социальной позиции. Он отмечает границу, отделяющую его от "непривилегированных", пусть даже непривилегированные - его собственная сестра и родители. Узнав о смерти родителей во время оккупации, он пишет, что много лет он не имел о них сведений. Разрыв с родителями, вообще с деревенскими родственниками - тогдашний механизм исключения. Разрыв принимает форму обиды:

"Получил большое... письмо от сестры Тони... Мамаша буквально бросила ее тяжело больную и в большом горе. Именно в день, когда было получено извещение о гибели мужа сестры Михаила, ...Выходит у нашей родительницы такое безразличное отношение не только ко мне, но и к другим детям. Ведь мою маму совершенно не волновала моя судьба. Она проявляла равнодушие ко мне даже тогда, когда я был при смерти в 1938 году... Разве после таких случаев вспомнишь хорошим словом своих родителей: отца, который жил только собой, как бы выжить; мать, - которая ради своего благополучия пренебрегает несчастьем родных сына и дочери?!... Вот случай, достойный пера писателя - показать какой недолжно быть матери, тем более у нас, в Советском Союзе, где чужие, не знакомые люди в нужде помогают друг другу... Бог с ней! ...Без родителей вырос, а помощью комсомола и партии стал человеком, да как будто-бы не последним, и уж "как-нибудь", без родительницы доживу свой век" (запись от 25 сентября 1944 г.).

Прошлый опыт, однако, встроен в тело. Этот опыт - жизнь поколений крестьян, т.е. людей, которые *всегда* находились на нижних ступенях социальной иерархии. Наш герой - это человек, для которого подчиненное положение привычно. А потому даже тогда, когда он карабкается по социальной лестнице вверх, подчинение, пожалуй, даже не тяготит его. Находясь в подчинении, служа Партии, он вполне ощущает себя на своем месте. Человеческие (они же социальные) черты оказались востребованными для производства новых институтов. Внушение, вроде бы только исходящее от власти, и запросы взаимно соотносились, что еще раз подтверждает мысль о связи между существованием системы и свойствами ее агентов.

В новом кругу жизненная ставка нашего героя - послушание. Он явно сам формировал свой опыт посредством доступных ему ресурсов. "Необладание" какими-то ресурсами - принцип расшифровки того, что происходит с человеком. Новый опыт "закрепляет" более ранний, тот, что был "до того"...

Словом, ситуация нашего героя диктует не просто жесткость, но двойную жесткость идентичности. Во-первых, он "свежий" человек во власти. У него нет никакой опоры, кроме самого аппарата. Он получил от партии "все", ибо у него нет помимо его теперешнего положения ни экономического, ни социального, ни культурного капитала. Во-вторых, он в ситуации прямой угрозы существованию. И не только потому, что идет война. Ему как партийному функционеру приход немцев грозил погибелью самым прямым и непосредственным образом.

Известно, что люди тем более истово воспроизводят ритуалы, в том числе словесные, чем в большей степени под вопросом продолжение жизни. Новую советскую идентичность наиболее истово культивировали те, кто попал наверх из крестьян, т.е. из социального слоя, само существование которого было под угрозой. Желая стать социальными удачниками, они культивировали техники как телесного, так и вербального самоконтроля. Эти техники - часть механизма - защиты границ тела, которые должны быть защищены от вторжения.

Для этих людей вопрос "веры" в связность повседневной жизни, а также символические интерпретации экзистенциальных вопросов *времени, пространства, континуальности и идентичности* были не просто актуальными. Это была проблема продолжения жизни.

Каждый индивид должен был заново создавать *защитный кокон*, который мог бы помочь преодолеть превратности повседневной жизни. Надо было заново конструировать свою идентичность.

Отсюда - огромная роль "готовых" ответов, предлагаемых властью. В случае нашего героя не решается проблема реконструирования нового, "качественного" образа личной идентичности, поиска "я". Об этом в дневнике ничего нет. Речь идет лишь о проявлении скрытых игр власти, обусловленных двусмысленностью социальных границ. Так или иначе, наш герой начинал как человек без капитала, закончил членом группы *делегатов массы*, номенклатуры. Он - *освобожденный работник*. Конструирование собственной идентичности - элемент производства группы.

Но что именно он защищает, конструируя свою советскость, вопрос открытый. "Слова" ли, мировоззрение, даже веру? Привилегии? Вспоминая мирную жизнь, он грезит об "общечеловеческом"...

"Когда проходил мимо Витебского вокзала, вспомнил как бывало приедешь из пушкинского санатория, завернет в один из гастрономов не далеко от вокзала, купит колбаски батончик, яблок, груш, сладостей и спешит домой угостить свою семью. Вот он памятный гастроном, так и стоит перед глазами с обилием фруктов и сладостей" (Запись от 6 февраля 1942 г.).

В тексте дневника никакого фольклорно-мифологического начала явно не прослеживается. Но в сновидческих описаниях прошлого, будущего и даже настоящего просвечивает сказочно-мифологический образ "страны обилия". (Это, кстати, позволяет под новым углом зрения прочитать и запись об отдыхе в Мельничном ручье)¹². Другие записи также о том свидетельствуют:

"От посещения театра оперы и балета им. Кирова (б. Мариинки) у меня осталось хорошее впечатление. Театр выглядит новеньким, красивым, величественным. Чистота образцовая, много света и блеску. Торжественно и уютно. ...Удивился изобилию всего в буфетах театра. И фрукты и разные сладости (шоколад, конфеты, пирожные), и пиво, и прохладительные напитки, как до войны. Но очень все дорого. Не по моему доходу. Яблочко 15 р. Шоколаду плитка 100 граммов 127-175 р. Пирожное 50 руб., бутерброд с колбасой 25 рублей. Одна конфета 13-20 рублей. Если пойти в театр с дамой, да в антрактах посидеть за столиком... то вряд-ли хватит моей месячной зарплаты, с вычетами и удержанием. Но все таки хорошо. Хотя и дорого, но есть. Культурно, красиво и приятно даже поглядеть... Но будет хорошо и еще лучше!.. Ценить станем выше, чем это было до войны, хорошую жизнь, в мирном созидательном, хотя и упорном труде" (7 октября 1944 г.).

Но ведь в сказке в городе всеобщего благоденствия попадают не все, но лишь те, кто прошел многочисленные испытания. Вот и наш герой таков. И видится, как, подобно сказочному Иванушке, он всех врагов обхитрил, испытания выдержал, и дует себе "в козелок", да слушает патефон или сидит в ложе Мариинского Кировского театра.

Неизвестно, какова судьба нашего героя. Да и дневник его кончается по-иному. Но хочется расстаться с ним в точке счастья. Такие люди, как он, исчезли с поверхности истории, они уже ушли как антропологический тип. Но многие их помнят...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Люмьер-Экспресс, 1996, № 2. С. 3.

² Дневник является частью личного фонда И.И. Белоносова, хранящегося в Центре документации "Народный архив" (ЦДНА, фонд 306). И.И. Белоносов заведовал архивом ВЦСПС. Вероятно, дневник Н.А. Рибковского попал к нему именно потому, что последний стал в конце войны одним из руководителей Ленинградского горкома профсоюзов (с июля 1943 г. он - зам уполн. ВЦСПС по г. Ленинграду).

³ Все отрывки приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией источника.

Giddens A. The consequences of Modernity. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990.

Иногда говорят, что масса потому и является массой, что у нее нет своего представителя. Посредством

делегирования создается группа. Можно высказать предположение, что представительство от имени массы - симптоматика тех обществ, которые обозначают эвфемизмом *тоталитаризм*. См. о проблеме делегирования: *Бурдые П.* Делегирование и политический фетишизм // *Бурдые П.* Начала. М., Socio-Logos, 1993.

⁶ См.: *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991. P. 5 et al.

⁷ Современные исследователи различают *ситуационную* и *трансверсальную* идентичность. И та и другая разновидности характеризуют индивида как агента социальных отношений: идентичность определяется как принятый человеком смысл позиции его в социальном пространстве. Именно позиция в социальном пространстве может определять, какой идентичностью обладает человек - *ситуационной* или *трансверсальной*.

В первом случае агент не принимает *значения* позиции, а значит, не создает своей идентичности. Эта идентичность непосредственно связана с актуальной практикой, в процессе которой происходит несознаваемое отождествление с другим агентом, с собственной позицией в социальном пространстве. Ситуационная идентичность произвольно навязывается агенту. Такого агента трудно назвать субъектом.

Во втором случае идентичность является *надситуационной*, продолжающейся, длящейся во времени. Имеет место самоконтроль за нормами и правилами, схемами восприятия и оценки, способами постановки и расширения жизненно-практических проблем. Именно в этом случае можно говорить о принятии *значения* позиции агентом. Трансверсальная идентичность относительно независима от ограничений актуальной практики, она объективизируется. (См.: *Качанов Ю.М.* Проблемы ситуационной и трансверсальной идентичности как агента социальных отношений // Социальная идентификация личности. М., Ин-т социологии РАН, 1993. С. 26-28).

⁸ *Bourdieu P.* The Logic of Practice. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990.

⁹ *Jacobson-Widding A.* Introduction // Identity: Personal and Socio-Cultural. A Symposium. Uppsala, Acta Univ. Ups., 1983. P. 30.

¹⁰ См. по проблеме языка и социальной биографии: *Luckman Th.* The Sociology of Language. Indianapolis: Bobbs-Merrill Company, 1975.

¹¹ *Luckman Th.* Remarks on Personal Identity: Inner, Social and Historical Time // Identity: Personal and Socio-Cultural. A Symposium. / Ed. by A. Jacobson-Widding / Uppsala, Acta Univ. Ups., 1983. P. 70.

¹² См.: *Пронин В.Я.* Морфология сказки. М., Наука, 1969. С. 82.